

Луиджи Джуссани, «Религиозное чувство»

Презентация Хулиана Каррона

МИЛАН, PALASHARP, 26 января 2011 года

1. РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО - ПРОВЕРКА ВЕРЫ

«Когда гляжу, как небосвод обилен / Созвездьями, и мыслю: /Зачем такое множество светилен? / И беспредельность воздуха? и глубь, / И ясность неба без конца? что значит / Огромная пустыня? что я сам?»¹. Это стихотворение Джакомо Леопарди замечательно выражает опыт, в котором раскрывается религиозное чувство человека. Столкновение «я» с реальностью дает импульс человеческому вопросу. То есть, внутри нас есть врожденная структура, которая в столкновении с реальностью неизбежно приходит в движение и полностью мобилизует динамику нашей личности.

Ни один человек, независимо от его этнической или культурной принадлежности, не может избежать в своей жизни определенных вопросов: «Каков конечный смысл существования? Почему существует страдание, смерть, зачем, в сущности, стоит жить? Или, с другой точки зрения: «Из чего все сущее и ради чего оно создано?». Так вот, религиозное чувство входит в действительность нашего «я» на уровне этих вопросов, оно совпадает с той полной вовлеченностью в жизнь, которая находит в них свое выражение»².

Но зачем именно сейчас возвращаться к тексту «Религиозного чувства», начиная вместе над ним работать? Этот вопрос задавали мне много раз с тех пор, как мы приняли это решение. Идея возникла из опыта последних упражнений Братства, когда я перечитал две главы «Религиозного чувства» «изнутри веры», как я тогда и отметил.

Все родилось из признания хрупкости веры как познания, даже в нас, хотя мы получили благодать быть частью определенной истории (разрыва между знанием и верой). Мы тоже являемся соучастниками умаления веры до чувства или этики. Отец Джуссани заметил, что это происходит не только там, где христианство больше не является предложением в соответствии с его природой события, но также и из-за недостатка в нас человечности. Действительно, в христианстве есть одна «неполадка»: чтобы признать его и пережить, нужны люди. На Упражнениях Братства в прошлом году я попытался, вернувшись к отдельным главам «Религиозного чувства», показать природу и динамику той человечности, которой нам не хватает, которая иссыкает, блокируется. Многие были поражены тем, как тесно эти главы связаны с путем, который мы совершаем, и попросили меня вместе перечитать в такой перспективе весь текст.

Но что значит читать «Религиозное чувство» изнутри веры? Мы привыкли понимать религиозное чувство как простую предпосылку веры, и поэтому оно кажется практически бесполезным, как только человек приходит к вере. Как лестница, которая нужна, чтобы подняться на верхний этаж: как только мы поднялись, можно забыть о лестнице. Нет! Живое религиозное чувство не просто необходимо, чтобы христианство было признано и пережито так, как оно есть («Нет ничего более абсурдного, чем ответ на незаданный вопрос»³, или на вопрос, которого больше не

¹ Дж. Леопарди, «Ночная песнь пастуха, кочующего в Азии».

² Л. Джуссани, «Религиозное чувство», «Христианская Россия», Москва 2004, стр. 51. Религиозное чувство есть «влечение человека к его источнику и его окончательной судьбе, неотчетливое интуитивное сознание, что его жизнь зависима и одновременно на ней лежит ответственность, зарождающееся естественное слово души о ее таинственном отношении с высшим Бытием; естественный жест человеческой природы в форме поклонения и мольбы, потребность духа, устремленная к личностной Бесконечности, подобно как глаз устремлен к свету, цветок – к солнцу». Кардинал Джованни Баттиста Мартини сказал это в своем пастырском послании на Великий пост в 1957 году, а через несколько месяцев вышло первое издание книги Луиджи Джуссани «Религиозное чувство». Ровно сорок лет спустя отец Джуссани завершил работу над последней окончательной версией этого текста, который представляет собой первый том его главной трилогии «Путь».

³ Cfr R. Niebuhr, *Il destino e lo storia. Antologia degli scritti*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 1999, p. 66.

задается), но, во вторую очередь, именно во встрече с христианским событием религиозное чувство раскрывается во всем его изначальном масштабе, достигает определенной ясности, воспитывается и спасается. Христос пришел, чтобы воспитать нас к религиозному чувству, как всегда говорил нам отец Джуссани (я вернусь к этому позже). Поэтому живое религиозное чувство представляет собой проверку веры.

В этом смысле большое значение имеет ответ отца Джуссани на вопрос Анджело Сколы в известном интервью: «Верно ли, - спрашивает Скола, - что ваше педагогическое предложение делает упор на религиозном чувстве?». «Лучше сказать, - отвечает Джуссани, - что сердце нашего предложения – это возвешение произошедшего события, которое настигает людей таким же образом, как две тысячи лет назад весть ангелов в Вифлееме настигла бедных пастухов. Происходящего события, предшествующего всякому делению людей на религиозных и нерелигиозных. Именно принятие этого события возрождает или усиливает первоначальное чувство зависимости и стержень изначальных очевидностей, который мы называем "религиозным чувством"»⁴. То есть христианское событие возрождает или укрепляет то самое религиозное чувство, изначальные очевидности, которого требует само это событие, чтобы его стало возможно признать.

Если работа над книгой отца Джуссани «Можно ли жить так?» в течение этих лет позволила нам увидеть человеческую новизну, рождающуюся из веры, и проверить соответствие веры жизненным потребностям, то работа над «Религиозным чувством», к которой мы приступаем, позволит нам углубить взгляд на это соответствие: действительно, оно выражается в способности веры пробуждать «я», помогать ему становиться самим собой, поддерживать его в правильной позиции, позволяющей сталкиваться со всеми аспектами жизни, с ее испытаниями и проблемами.

Итак, вот в какой перспективе мы будем читать текст: повторяя «Религиозное чувство» и соотносясь с ним, мы сможем проверить, до какой степени опыт, пережитый в течение тих лет, смог повлиять на нашу жизнь или, другими словами, «какая польза от Христа на пути человека в отношении с вещами, на пути к его судьбе. В противном случае, если Он не имеет такого влияния, как реальное присутствие, Христос будет чем-то, что никак не связано с жизнью. Он имел бы отношение к будущей жизни, но не имел бы отношения к этой жизни; это позиция протестантизма»⁵. Если Христос присутствует, то мы можем признать Его не в силу наших слов, но через знаки. «Существует, если действует»⁶, - таково правило. Я могу открыть присутствие Христа через знаки, которые замечаю в себе или других. Его присутствие настолько объективно, насколько объективны знаки, в которых оно выражается.

Работая над текстом «Религиозного чувства», мы сможем проверить, «пробудила и усилила» ли встреча с Христом исходное чувство зависимости, стержень исходных потребностей (в истине, справедливости, счастье, любви) и очевидностей, которые отец Джуссани называет «религиозным чувством» и которые пробуждаются в столкновении «я» с реальностью. Итак, если верно, что эти изначальные потребности и очевидности неизбежны в своей насущности, то так же верно, что осознание их обычно умалено, омрачено или заглушено. Это можно заметить по слабости или отсутствию, в том числе в нашей среде, возможно спустя много лет проведенных в движении, чувства тайны в восприятии нашего «я», которое таким образом трагически сводится к совокупности характеристик и реакций, к результату предшествующих исторических и биологических факторов, к продукту обстоятельств. Вот почему бодрствующее религиозное чувство, не претерпевшее цензуры и изъятий, является знаком и проверкой встречи с чем-то иным, тем, что больше него самого.

То же самое можно сказать о разуме, который открывается нам в опыте как «оперативная потребность объяснить реальность *во всех ее факторах*, так что человек познает истинную

⁴ L. Giussani, *Un avvenimento di vita cioè una storia*, Il Sabato, Roma/Milano 1993, p. 38.

⁵ L. Giussani, *L'attrattiva Gesù*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 1999, p. 287.

⁶ Л. Джуссани, Письмо Братству, 7 октября 1997 года.

сущность вещей»⁷. Принимая исходящий от столкновения с реальностью вызов быть действительно самим собой («неиссякаемой открытостью») и отправиться на поиски собственного исчерпывающего объяснения, разум достигает своей подлинной вершины, предчувствуя существование запредельного, откуда все проистекает и которому все отсылает. «Высшее достижение разума — это осознание существования чего-то неведомого, недоступного, к чему направлено все движение человека, потому что он зависит от этого. Это представление о *тайне*»⁸. Если человек не блокирует динамику разума, начавшую действовать после столкновения с реальностью, он придет к переживанию сознания тайны. И чем насыщеннее он будет переживать реальность, тем ближе станет ему измерение тайны.

Но даже здесь велико, почти неизбежно искушение умалить, сделать разум мерой, а не окном, распахнутым навстречу «неиссякаемому зову реального»⁹. Неизбежное следствие этого — умаление восприятия реальности, которая лишена тайны. И это подтверждается «устранением видимого», уплощением или опустошением обстоятельств, происходящего с нами, что мы обычно и делаем. Реальность, изначально предстающая нашему разуму как знак, сводится к ее аспекту, непосредственно воспринимаемому чувствами, лишается ее смысла, ее глубины. Поэтому мы часто задыхаемся в обстоятельствах: когда реальность сведена к видимости, она становится клеткой.

Как сказал в свое время кардинал Ратцингер, «одна из задач веры, и не самая последняя, — оздоровлять разум, не применять насилие, не отчуждаться от него, но снова возвращать его к себе самому»¹⁰. Превознесение разума, освобождение его от умалений также является проверкой настоящей веры.

Итак, почему так важно снова пробудить религиозное чувство? Это важно, потому что религиозное чувство является окончательным критерием любого суждения, истинного и подлинно «моего» суждения: если мы не хотим «быть обманутыми, отчужденными, рабами других, использованными кем-то в корыстных целях»¹¹, мы должны приучиться сравнивать все с этим внутренним и объективным критерием, каким и является религиозное чувство. После христианской встречи мы продолжаем жить в мире и, как и все остальные, мы призваны противостоять вызовам жизни. Мы должны противостоять им в этот конкретный момент, когда господствует смятение и «упадок желания», удушающий рационализм — с одной стороны, и распространяющийся сентиментализм — с другой, умаление реальности до видимости и сердца до чувства. Если Христос не влияет на нас, пробуждая нашу человечность, мы мыслим как все, в рамках того же менталитета, что и все, потому что критерий суждения, хотя мы обладаем им изначально, — сердце, совокупность разума и привязанности, — вовлечен в это смятение. Это значит, что мы можем продолжать утверждать «истины» веры, но уже не являемся главными героями истории, потому что ничем не отличаемся от других, как сказал Бенедикт XVI: «Вклад христиан имеет решающее значение, только если разумение веры становится разумением реальности»¹².

Кроме того, что из-за этого мы оказываемся бесполезны для истории (в которой все больше власти получает «власть», стремящаяся повергнуть человека в смятение, умалить его желание и поощрять усеченное использование разума), возникает вопрос о разумности веры. Почему разумно быть христианами? В чем соответствие веры человеческой жизни? Причина, из-за которой многие отходят от веры, в том, что они не видят никакого намека на ее соответствие. Таким образом, власть может расширять свое господство, а человек оказывается перед ней все более беззащитен. «Власть, то есть господствующий менталитет, как будто заставила наших воспитателей, в том числе родителей,

⁷ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 113.

⁸ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 136.

⁹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 114.

¹⁰ Й. Ратцингер, «Вера, истина, толерантность».

¹¹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 13.

¹² Бенедикт XVI, Выступление перед участниками XXIV Пленарной ассамблеи Папского совета по делам мирян, Ватикан, 21 мая 2010.

искажать простоту нашей природы [«изначальные очевидности», мы сказали выше] с самого раннего возраста. Поэтому нужно восстановить простоту нашей природы. Эта Школа общины по тексту «Религиозного чувства» есть не что иное как призыв и стимул восстановить простоту, аутентичность нашей природы (не случайно в третьей предпосылке нравственность, необходимая для познания, называется нищетой духа)¹³.

Мы можем стать соучастниками влияния власти, если самонадеянно полагаем, что сможем справиться самостоятельно, не следуя разумно и с привязанностью единственному месту, которое было даровано нам Тайной, чтобы вырвать нас из ничто. Смятение, даже в нашей среде, может быть настолько глубоким, что при попытке найти выход из ситуации, в которой мы живем, оказывается, что мы повторяем те же ответы, что и все остальные: кто-то полагает, что решение – в достижении договоренности («быть вместе»), другие – что оно в политике, в большем участии в распределении власти, или в карьере, или в новом любовном приключении и так далее. Спустя две тысячи лет христианской истории, спустя долгие годы действия благодати харизмы, мы находимся в той же ситуации, что и люди до Христа: бесконечное разнообразие в конечном счете бессильных попыток, когда каждый выдвигает на первый план собственные предрассудки или аспекты, которые ему больше по нраву.

Можем ли повторить вслед за святым Павлом: «Кто избавит нас от сего тела смерти»? Что нам нужно? Какой опыт? Попробуем вернуться к началу.

2. ХРИСТОС РАЗЪЯСНЯЕТ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО

Призывая нас вжиться в Евангелие от Иоанна, отец Джуссани замечательно описывает, как это случилось.

«Наконец пришел этот Иоанн, называемый Креститель, и жил так, что все были потрясены этим, и, начиная от фарисея до последнего крестьянина, оставляли свой дом, чтобы пойти и услышать его хоть раз. Много ли их было или мало, нам неизвестно, но в тот раз двое пришли впервые, и они смотрели внимательно, с открытым ртом, как человек, пришедший издалека и увидевший то, ради чего он пришел, с безграничным любопытством, с нищетой духа, с детскостью и простотой сердца[...]. В определенный момент один человек отделяется от группы и начинает идти по тропинке вдоль реки. Когда тот человек начинает удаляться, неожиданно вдохновленный пророк Иоанн Креститель кричит: "Вот Агнец Божий! Вот Тот, кто берет на Себя грехи мира". Люди не придают этому значения [...]. Но те двое, как два ребенка, с открытым ртом и вытаращенными глазами, видят, куда направлен взгляд Иоанна Крестителя, – на того уходящего вдаль человека. Тогда они инстинктивно отправляются за ним по пятам, следуют за ним, робко, неловко. Он замечает, что кто-то идет за Ним, оборачивается: «Что вам надобно?» «Учитель, – отвечают, – где живешь?» «Пойдите и увидите», - мягко говорит Он. Они идут, и «увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот». Мы с легкостью отождествляем себя с этими людьми, сидящими и наблюдающими, как говорит тот человек. Он говорит неслыханные прежде, но такие близкие, касающиеся их, жизненные слова. [...] Они их не понимали. Они просто были захвачены, увлечены, потрясены этим разговором. *Они смотрели на Него говорящего.* Потому что именно через «наблюдение» [...] эти люди осознали, что среди них было что-то невыразимое: некое Присутствие, не просто ни с чем несравнимое, но непостижимое, однако же такое проникновенное. Проникновенное, поскольку оно соответствовало тому, что ожидало их сердце ни с чем несравнимым образом: даже отец и мать в детстве не говорили им с такой же ясностью и плодотворностью, ради чего стоило проживать время их жизни. Они не могли и не умели этого сказать, они говорили другие правильные, хорошие вещи, но они были будто бы фрагментами того, что надо было пытаться ухватить в воздухе, чтобы увидеть, подходит ли один

¹³L.Giussani, *L'io rinasce in un incontro*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2010, p. 162.

фрагмент к другому. Глубокое соответствие. [...] По мере того, как слова доходили до них, и их ошеломленный и восхищенный взгляд познавал этого человека, они чувствовали, что изменяются, чувствовали, что изменяются вещи: изменялся смысл вещей, изменялось эхо вещей, изменялся путь вещей». Рассказ на этом не заканчивается, потому что отец Джуссани представляет, как Андрей и Иоанн вернулись домой после встречи с Христом. «И когда вечером, на закате дня, они возвратились, скорее всего, пройдя путь молча, потому что никогда раньше они не говорили друг с другом так, как в этом великом молчании, в котором говорил Другой, в котором Он продолжал говорить, и отзвук Его слов раздавался внутри них. Они пришли домой, и жена Андрея, глядя на него, сказала: «Что с тобой Андрей? Что с тобой?» И дети в удивлении смотрели на отца: это был он, да, он, но он был «больше» самим собой, он был другим. Это был он, но он был другим. И когда, - как мы уже однажды сказали, «взволнованные», используя образ, который легко понять в силу его реалистичности, - она спросила у него: «Что случилось?», он обнял ее. Андрей обнял свою жену и поцеловал детей: это был он, но никогда прежде он так ее не обнимал! Это была как будто заря, рассвет или предрассветные сумерки иной человечности, новой человечности, более истиной человечности. Он будто бы сказал: «Наконец-то!», не веря собственным глазам. Но все это было слишком очевидным, чтобы не верить собственным глазам!»¹⁴.

Эта сцена лучше тысячи слов описывает, как исторически прояснилось религиозное чувство человека, найдя свой истинный объект. Встретив Христа, Андрей остался самим собой, но он был в большей степени самим собой, он был другим. В самом деле, «объектом религиозного чувства, в конечном счете, является непостижимая Тайна, поэтому понятно, что у человека относительно нее возникают тысячи мыслей. Но истина одна, только человеку невозможно прийти к ней. И тогда Тайна стала человеческим фактом, стала человеком, у которого были ноги, чтобы ходить, рот, чтобы есть, глаза, чтобы плакать, который умер, - вот истинный объект религиозного чувства. Итак, когда я открываю этот факт Христа, грандиозным образом открывается, проясняется и религиозное чувство»¹⁵.

Это все происходит в рамках универсального закона, поскольку человек является человеком («Личность обретает себя в живой встрече»¹⁶); но здесь, во встрече с присутствием Тайны, ставшей человеческим фактом, этот закон исполняется, реализуется окончательно: «Когда я встретил Христа, я открыл, что являюсь человеком»¹⁷, - сказал римский ритор Марий Викторин, публично объявляя о своем обращении. «Именно во встрече я замечаю себя самого. [...] «Я» пробуждается из плена в своей первозданной оболочке, пробуждается из своей могилы, из гроба, из замкнутого первоначального состояния и, так сказать, воскресает, осознает себя, именно во встрече. Результат встречи - это пробуждение чувства личности. Личность как будто рождается: она рождается не в тот момент, но во встрече осознает себя, то есть рождается как личность»¹⁸.

Эта встреча наделяет нас способностью открыть тайну нашего «я». «Это был он, но он был в большей степени самим собой». Поэтому по ходу разговора, ссылаясь на текст «Религиозного чувства», отец Джуссани задается вопросом: «Почему именно мы написали книгу о религиозном чувстве? Потому что мы встретили Иисуса и, смотря на Него и слушая Его, мы поняли, что было внутри нас: «Кто познал Тебя, познал себя», - сказал святой Августин. [...] Чтобы познать и развить религиозное чувство, нам нужно было встретить кого-то: без этого учителя мы не поняли бы себя самих. Поэтому я могу сказать Христу: «Ты действительно есть я». Я могу сказать Ему: «Ты есть я»,

¹⁴ Luigi Giussani, *Il tempo si fa breve*, Esercizi della Fraternità di Comunione e Liberazione. Appunti dalle meditazioni, Cooperativa editoriale Nuovo Mondo, Milano 1994, pp. 23-25.

¹⁵ L. Giussani, *L'autocoscienza del cosmo*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2000, p. 17.

¹⁶ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2010, p. 182.

¹⁷ *In epistola ad Ephesios*, II, 4, 14.

¹⁸ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2010, pp. 206-207.

потому что, слыша Его, я понял себя самого. А тот, кто пытается понять себя, размышляя о себе, теряется в мириадах тропинок, мириадах идей, мириадах образов»¹⁹.

3. ХРИСТОС ВОСПИТЫВАЕТ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО

Именно потому, что Христос открывает и проясняет религиозное чувство человека, Он может и воспитывать его. Кто-то, даже тот, кто уже встретил Христа или живет в христианской среде, может подумать, что поскольку религиозным чувством мы наделены изначально, то нет никакой необходимости его воспитывать, или что если разбудить его однажды, дальше оно будет действовать само, спонтанно станет измерением каждого мгновения. Следующий отрывок из книги отца Джуссани поможет нам понять, насколько это абстрактно: «В ходе разговора, в котором мне довелось участвовать, один известный преподаватель обронил такую фразу: "Если бы не было химии, я бы покончил с собой". Подобные вещи происходят в нашей внутренней динамике, даже если мы не высказываем этого прямо. Всегда есть нечто, делающее в наших глазах жизнь достойной того, чтобы ее прожить; нечто, без чего (даже если бы мы не пришли к мысли о смерти) все утратило бы для нас краски и стало бы источником разочарования. Этой вещи [«богу»] [...] человек посвящает все свое благоговение. Однако никто не может избежать конечного затруднения: что бы это не была за вещь, в тот момент, когда сознание человека по ходу его жизни согласовывается с ней, здесь выражается некая религиозность, осуществляется определенный уровень религиозности. В этом – отличительная особенность религиозного чувства: оно есть последнее, неизбежное измерение всякого поступка, действия, любого типа отношений. [...] Невоспитанность религиозного чувства [...] проявляется именно в том, что в нас возникает ставшее инстинктивным противодействие тому, чтобы сознательно позволить религиозному чувству господствовать, определять каждое действие. Именно это и есть симптом атрофии и неразвитости в нас религиозного чувства – та серьезная и распространенная трудность, та отчужденность, ощущаемая нами, когда мы слышим, что «бог» является причиной всего, неизбежным фактором, критерием, определяющим всякий выбор, учебу, плоды наших трудов, принадлежность партии, научные исследования, поиск супруга, управление государством»²⁰.

Каждый может оценить, какого размаха достигает в нем это нежелание позволить, чтобы все в жизни определялось Богом. И тогда мы поймем, до какой степени мы нуждаемся в том, чтобы позволить воспитать нас к религиозному чувству. Действительно, «с одной стороны, воспитание религиозного чувства должно способствовать пониманию той неизбежной и полной зависимости, которая существует между человеком и тем, что придает значение его жизни. С другой же стороны – помогать ему постепенно справиться с этой неестественной отчужденностью по отношению к его исходной ситуации»²¹.

Тогда понятна причина Воплощения: «Цель, ради которой Бог стал человеком, - воспитать человека к религиозному чувству, потому что религиозное чувство есть точная исходная позиция человека в отношении всей реальности и самой Тайны, творящей реальность. Поэтому следовать за Христом означает находиться в условиях, позволяющих сталкиваться с реальностью и идти навстречу судьбе наилучшим образом – он называется спасением, как мы его здесь назвали не в окончательном, а в инструментальном смысле слова. Если человек следует за Христом, он находится в наилучших условиях для того, чтобы сталкиваться с реальностью и с проблемой судьбы»²².

Но как сегодня мы получаем воспитание к религиозному чувству? Участвуя в жизни той реальности, где Христос остается современным нам – Церкви. «Роль Церкви на сцене мира уже

¹⁹ L. Giussani, *L'autocoscienza del cosmo*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 2000, pp. 17-18.

²⁰ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», «Христианская Россия», Москва 2004, стр. 11.

²¹ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», цит., стр. 11-12.

²² L. Giussani, *L'attrattiva Gesù*, Biblioteca Universale Rizzoli, Milano 1999, pp. 286-287.

заложена в Ее сознании себя как продолжения Христа: то есть это роль самого Христа. Функция Христа в истории – воспитание человека и человечества к религиозному чувству (именно для того, чтобы стало возможно «спасти» человека!), причем под религиозностью, или религиозным чувством, мы понимаем, как уже было сказано, твердую позицию в осознании и по возможности практическое поведение человека перед лицом его судьбы»²³.

Сказанное выражает необходимость пребывания Тайны в истории. Действительно, если Христос не остается современным и не продолжает бросать человеку вызов, человек оказывается непоправимо одинок. А каждый знает, до какого уровня можно опуститься в одиночку.

Как мы можем обрести свободу от этого беспощадного падения?

4. ХРИСТОС СПАСАЕТ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО

Никто не может самостоятельно удержаться в правильной позиции, хотя встреча с Христом открыла ее человеку. Поэтому единственный ответ на нашу хрупкость – это реальное постоянство Его присутствия.

Историческая ситуация, сложившаяся сегодня на западе, представляет собой в этом смысле настоящий вызов, в том числе для христианства, которое вынуждено представить подтверждение своих притязаний на соответствие потребностям человека. Действительно, не всякая версия христианства подходит для того, чтобы пробудить человечность человека. Христианство, сведенное к словам («умозрительное», по выражению Ньюмена), христианство, сведенное к этике, не способны вывести человека из оцепенения (в обращении к Римской Курии 20 декабря прошлого года Бенедикт XVI сказал о «сне усталой веры»), из все более масштабного уплощения его желания, его изначального порыва, его вкуса к жизни. Аутентичность христианства выражается в способности постоянно пробуждать человечность.

Только христианство, сохраняющее свою изначальную природу, свои уникальные черты современного исторического присутствия – современности Христа, – может соответствовать уровню реальной нужды человека и поэтому способно спасти религиозное чувство. Речь не о постулате, с которым нужно согласиться, но о человеческой новизне, которую нужно открыть в действии: христианская весть подвергает себя этой проверке, отдается на суд человеческого опыта. Если в человеке, который дает согласие принадлежать Христу через реальность Церкви, конкретно и убедительно проявляющейся в его опыте (харизму), происходит то, чего он не в силах достичь собственными силами - немислимое оживление и свершение человечности во всех ее фундаментальных измерениях, это является подтверждением того, что христианство заслуживает доверия, и его притязание станет доступно для проверки. «Ибо всякое дерево познается по плоду своему»²⁴, - вот потрясающий эпистемологический критерий, который предлагает нам сам Христос. Изменение, произошедшее благодаря отношению с присутствующим Христом, таково, что святой Павел, не сомневаясь, восклицает: «Итак, кто во Христе, [тот] новая тварь; древнее прошло, теперь все новое»²⁵. Новая тварь – это человек, в котором религиозное чувство реализуется в его, в противном случае невозможной, полноте – разум, свобода, привязанность желание.

«Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен»²⁶, - сказал Якопоне да Тоди. Только эта красота - сияние истины единственная способна пробудить желание человека и привести его привязанность в такое мощное движение, что станет возможна постоянная открытость его разума навстречу находящейся перед ним реальности («Условие, чтобы разум был разумом, в том, чтобы привязанность воздействовала на него и, таким образом, привела в движение всего человека

²³ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», цит., стр. 23

²⁴ Лк. 6,44.

²⁵ 2 Кор. 5,17.

²⁶ *Laudae*, ХС.

целиком»²⁷). Привлекательность Христа упрощает (но не совершает автоматически) ту открытость, которая без Него была бы невозможна. Современность Христа, таким образом, разрешает разуму открыться во всю его ширь, позволяя ему достичь доселе неведомого разума реальности: каждая вещь, каждое обстоятельство, даже самое банальное, становится знаком. Человек, пробужденный и поддерживаемый присутствием Христа, может, наконец, жить как человек религиозный, выдерживая головокружительность жизни, может «с глубоким спокойствием, возможно, с радостью принять все, что с ним происходит [обстоятельства]»²⁸. Таким образом, современность Христа оказывается незаменимой для того, чтобы в полной мере пережить религиозное чувство, то есть для правильного подхода к реальности.

Если, напротив, мы не переживаем современность Христа, последствия не заставят себя ждать. Недостаток опыта современности Христа возвращает нас в положение, предшествующее христианской встрече, и даже если мы продолжаем говорить о Христе, то фактически умаляем Его до одной из разновидностей религиозного чувства. «Для современного человека «вера» есть, в общем-то, не что иное, как один из аспектов «религиозности», тип чувства, с которым можно переживать беспокойный поиск своих истоков и своей судьбы, что как раз и является самым волнующим в любой «религии». Все современное сознание суетится в попытках вырвать у человека гипотезу христианской веры и свести ее к динамике религиозного чувства и к понятию религиозности, и это смятение, к сожалению, проникает и в менталитет христианского народа»²⁹.

Существует важное и несократимое различие динамики веры и религиозного чувства: «В то время как религиозность рождается из потребности в смысле, пробужденной столкновением с реальностью, вера есть признание исключительного присутствия, полностью соответствующего моей судьбе, и прирастание к этому Присутствию. Вера есть признание истинности того, что это историческое Присутствие говорит о Себе»³⁰. Это отличие особенно заметно в том, как по-разному действует разум. В христианской вере разум больше не объясняет, но открывается (и его динамика, наконец, достигает вершины) явлению Бога. Тогда понятно, почему отец Джуссани говорит, что «вся суть разума» изложена в отрывке об Иоанне и Андрее³¹. Вера есть акт разума, движимого исключительностью Присутствия: «Христианская вера есть память об историческом факте, когда один Человек сказал о себе слова, истинность которых была признана другими людьми, и которую я тоже признаю благодаря исключительному способу, через который этот Факт достигает меня. Иисус – это человек, сказавший: "Я есть путь, истина и жизнь". Это Факт, произошедший в истории: младенец, родившийся от женщины, внесенный в списки жителей Вифлеема, который, став взрослым, сказал, что Он есть Бог: "Я и Отец одно". Внимание к словам и поступкам этого человека, так что можно было сказать: "я ему верю", прирасти к Его присутствию, утверждая, что Его слова истинны, - это и есть вера»³².

Поэтому, «представим себе, какой вызов представляет собой притязание веры для современного менталитета: будто существует человек, к которому я могу обращаться на ты, сказавший: "Без Меня не можете делать ничего", то есть, существует Человек-Бог. Невозможно до конца соразмериться с подобным притязанием; сегодня ни народ, ни величайшие философы не занимаются больше этой проблемой, а если и занимаются, то для того, чтобы укрепить негативный предрассудок господствующего менталитета. Таким образом, ответ на вопрос "кто такой Христос" выводится из заранее установленных понятий о человеке и мире. Но Иисус в ответ говорит: "Смотрите на Мои дела", то есть "смотрите на Меня", что то же самое. Но Ему не смотрят в лицо, Его исключают еще

²⁷ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, Marietti, Genova 1999, p. 117.

²⁸ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 124.

²⁹ L. Giussani - S. Alberto - J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 22.

³⁰ L. Giussani - S. Alberto - J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 22.

³¹ L. Giussani, «Можно ли жить так?», Культурный центр «Духовная библиотека», Москва 2007, стр. 239.

³² L. Giussani - S. Alberto - J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, pp. 22-23.

до того, как принять Его в расчет. Не-вера поэтому есть неизбежное следствие предвзятости, это предвзятость в прикладном варианте, а не вывод из разумного исследования»³³.

Но сейчас нам важно осветить следствия отказа от метода избранного Богом, чтобы ответить на потребность человека во всеобъемлющем смысле, являющуюся неотъемлемой частью религиозного чувства: «Без признания присутствующей Тайны наступает ночь, наступает смятение, и как таковой, на уровне свободы, наступает мятеж, или же разочарование переполняет меру до такой степени, что мы как будто больше ничего не ждем и ничего не желаем в жизни, кроме урывочного удовлетворения или урывочного ответа на небольшую просьбу»³⁴. Без признания современности Христа иссякает подлинная человечность, порыв религиозного чувства. Но тот, кто его признает, тот видит, как его человечность превозносится выше всякой воображимой высоты: «Что наше сознание, что наш образ мысли, наша привязанность, наша манера любить обращены ко Христу значит, что это сознание и эта привязанность непрерывно возносятся, переносятся туда, куда я и не думал, постоянно ощущают призыв выйти за собственные пределы, выходят за собственные пределы, постоянно переносятся за пределы того, что считалось и ощущалось ранее. Они входят в неведомое, это расширяющаяся мера: они, сознание и привязанность, непрерывно вводятся в неожиданный горизонт, за пределами их собственной меры»³⁵.

Здесь каждый может найти критерий проверки его пути веры, его воспитания к религиозному чувству – это возвышение его изначальной человечности. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»³⁶ - это можно назвать краткой формулой истинного воспитания религиозного чувства. И поэтому Христос называет блаженными тех, кто получил его: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»³⁷. Эти слова показывают нам истинную цель такого воспитания - открыться, чтобы наполниться тем, что мы сами не можем создать, но что мы должны принять, встретить, заключить в объятия как дар. Только тот, в ком есть эта простота ребенка, эта нищета духа, расположен принять его.

Работа над текстом «Религиозного чувства», которая предстоит нам в этом году, имеет именно такое решающее значение. От того, насколько серьезно мы к ней отнесемся, будет зависеть наша человеческая реализация и вклад в помощь другим людям – нашим братьям.

³³ L. Giussani - S. Alberto - J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 23.

³⁴ L. Giussani, *Tutta la terra desidera il tuo volto*, San Paolo, Cinisello Balsamo 2000, p. 124.

³⁵ Luigi Giussani, *La familiarità con Cristo*, San Paolo, Cinisello Balsamo 2008, p. 135.

³⁶ Мф. 18,3.

³⁷ Мф. 5,3.